

УДК 130.2:391(=511.152)
ББК Т5+Ч11

ЗВУК В КОСТЮМЕ МОРДВЫ

Т.А. Шигурова

Представлен опыт исследования звучащих украшений традиционного мордовского костюма середины XIX – начала XX века как важнейшего компонента этнокультуры. Ценностно-функциональное содержание звуков одежды рассматривается в контексте материальной и духовной культуры мордовского народа.

Ключевые слова: этнокультура, мордва, традиционный костюм, украшение, информация, звуковой знак, функция.

На современном этапе развития гуманитарных наук особую актуальность приобретает исследование проблем этнокультуры. С точки зрения динамики культурных процессов и интенсивного характера межэтнических взаимодействий необходим всесторонний, объективный анализ того общего и неизменного, что формирует российскую и мировую культуру. Ю.В. Бромлей пишет: «Мы не можем позволить себе “роскошь незнания” друг друга... это стало невозможным и даже опасным теперь, когда в мире все так взаимозависимо – в определенном отношении у всех народов общая судьба, если иметь в виду перспективу выживания в мире...» [5, с. 8].

Традиционный костюм мордвы эрзи и мокши является важнейшим элементом материальной и духовной культуры этноса. Он представляет собой сложную семиотическую систему, в структурировании которой принимает участие целый набор знаков – зрительных, звуко-интонационных, осязательных и др. Знаки различаются способом восприятия одежды в целом, равно как и отдельных ее элементов. Как отмечал Фердинанд де Соссюр, «знак есть... двусторонняя психическая сущность», которая «связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а пси-

хическим впечатлением, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств...» [30, с. 99]. Зрительные, звуко-интонационные и осязательные знаки относятся к числу наиболее распространенных в человеческой коммуникации.

Первые наблюдения над знаковой природой мордовской одежды находим в монографии Н.И. Гаген-Торн «Женская одежда народов Поволжья» [9, с. 138–140]. Отдельные аспекты данной проблемы обсуждаются в работе Г.А. Корнишиной «Знаковые функции народной одежды мордвы» [16, с. 5–58]. Вместе с тем звуковой знак традиционного костюма мордвы до сих пор не был предметом специального рассмотрения, что определяет новизну и актуальность предпринятого исследования.

В научной литературе шумящие украшения традиционного мордовского костюма упоминаются в работах В.Н. Белицер, Н.И. Бояркина, А.Г. Бурнаева, И.М. Петербургского, посвященных разным аспектам декоративно-прикладного, ювелирного, музыкального и танцевального искусства мордвы [3, с. 111–127; 4, с. 33–44; 7, с. 48–49; 25]. Весьма любопытны наблюдения Н.И. Бояркина, рассматривающего колокольчики, монеты, металлические пластинки, подвешиваемые к традиционному женскому костюму, в качестве источника звука инструментов класса идиофонов народного мордовского музыкального творчества [20, с. 737]. В работе А.Г. Бурнаева шумящие украшения и другие детали ко-

стюма трактуются как такие, в которых закодированы первоэлементы танцевальной образности [7, с. 19].

Обращение к проблеме ценностно-функционального потенциала звукового фона костюма мордвы в контексте этнокультуры следует признать перспективным и в связи с теми новациями в развитии художественного процесса, которые, по мнению Н.И. Ворониной, создали «фундамент нового звукового и музыкального мышления. Это стремление проникнуть в глубинные пласты существования, прикоснуться к “началам начал” как отклик на потребность коренного обновления, переоценки жизненных ценностей (устремление к макрокосмосу); погружение в глубины микромира, в таинство первичных ощущений, в связи с этим скрупулезный самоанализ истонченного внутреннего мира; обращение к народно-национальному началу – акценту архаики» [8, с. 255]. В свете сказанного тема звука в феномене национального костюма приобретает не только научно-теоретическую, но и практическую значимость.

Человечество живет в удивительно богатом оттенками звуковым мире, «в едином восприятии мира, ощущая его через натуральные звуки природы... остро чувствуя и запоминая смену дня и ночи, ощущая правильный масштаб человека в Божьем мире по отношению к дереву или высокой скале» [11, с. 28]. Тончайшие нюансы звуковой гаммы создают определенный фон, который оказывает влияние на деятельность человека, его настроение, эмоции. В далеком прошлом звук являлся информацией обо всех изменениях, происходящих вокруг. Даже во время сна совершенно бессознательно сигналы улавливались мозгом, предупреждая порой о приближении опасного зверя, стихийного бедствия. Человек реагировал в ответ активизацией своей мыслительной, творческой или физической деятельности. Шум реки, голоса или пение человека, крики о помощи помогали в поиске направления движения и при ориентации в пространстве.

Способности человека издавать, воспринимать и анализировать звук используются прежде всего в процессе речевой деятельности как акте коммуникации. Благодаря общению устанавливаются и поддерживаются со-

циальные контакты, сохраняется и передается значимая для участников речевого акта информация. Наконец, звуковая среда способна наполнить жизнь эмоциональным содержанием, богатыми оттенками чувств. Значение звука для жизни и деятельности человека в целом обусловлено многообразием выполняемых функций. Речь идет об информации, предупреждении, активизации, ориентации, коммуникации. Трудно переоценить роль звуковой палитры в социальной и эмоциональной жизни человека. Важно иметь в виду и ритмичные звуковые волны, которые оказывают определенное влияние на организм человека, вызывая ответные вибрации его внутренних органов.

Что касается костюма мордовской женщины, то он всегда поражал современников какой-то удивительной «говорливостью». Он хрустел обилием складок, сборок накрахмаленных холщевых рубах; шуршал шерстяными кистями, выдержанными в кипящем конопляном масле, с бисериной на сгибе. Он звонко сигнализировал соприкосновением монет, цепочек, бубенчиков, поясных подвесок. Не «молчала» и обувь: лыковые лапти или праздничные кожаные сапоги с множеством складок, шумящими подвесками на онучах. Интонационный рисунок костюма, богатство «звучащей» в нем информации обогащали визуально-пластическое оформление образа мордовки, предупреждая всякий раз о ее появлении. Говорили, что мордовку сначала услышишь и лишь затем увидишь.

Звуковое оформление традиционного мордовского костюма середины XIX – начала XX века имело важное значение. Как известно, художественные языки, в том числе «звучко-интонационный» и «пластический», способны создавать многозначные тексты, допускающие разные интерпретации. Особую роль выполняют знаки-символы, создающие художественный образ. Он «несет в себе какое-то иное, более общее и смысловое содержание, выходящее за рамки конкретного, видимого и слышимого объекта, который в нем представлен» [18, с. 131].

Звуковой язык традиционного костюма мордвы – это способ передачи социально важной информации: знания, смыслы, представления этноса выражены в нем особой систе-

мой знаков, используемой в коммуникативных целях. Информация, содержащаяся в одежде, считывается и анализируется коллективом, который знает и понимает этот язык. Если воспринимаемый человеком «запас информации строится на основе акустических впечатлений... то в этом случае можно говорить о психике, в строении которой доминирует слух» [1, с. 43]. Из этого следует, что умение использовать звуковой язык костюма характеризует представителя мордовского этноса как человека, который любит вслушиваться, внимательно слушать.

Практическая потребность в хорошем слухе была распространена в культуре охотников, это было вызвано необходимостью самого выживания индивида. Лесной ландшафт как сфера обитания древней мордвы в значительной мере закрывал горизонт, затрудняя обзор местности и устанавливая естественные преграды между людьми. В связи с этим жители вынуждены были опираться прежде всего на звуковые сигналы, которые предупреждали об опасности, способствовали удачной охоте, обеспечивая социальные связи. По замечанию Г.Д. Гачева, «труд и культура восполняют то, чего не дано стране от природы» [10, с. 460]. Таким образом, вполне естественным было включение в семиотическую систему мордовского костюма звукового сигнала, который служил важнейшим источником информации об окружающем мире. Глубинные слои звукового знака костюма мордвы имплицировали древнюю культуру охотников и собирателей территории Среднего Поволжья.

Среди звуков, заполнявших пространство крестьянского мира, доминировали звуки окружающей природы. Их издавали животные, они возникали при движении воды, шелесте листьев деревьев. Примечательно в этом плане описание Г.Д. Гачева: «Кроме звучания ствола и листьев, на ветвях – птицы. У каждого дерева – своя птичка... Это уже звук Жизни, от себя испускающей звук в Космос. ...И каждая птичка – особый инструмент... отсюда и звук разный: щебет, клекот, воркованье, перелив, токованье, рулады, пенье и т. д., – и все звуки разного тембра, высоты и частоты. И всем этим звучит лес» [там же, с. 103]. К сказанному следует добавить и шорох трав, шум ветра, раскаты грома, грохот обвала и т. п.

Особо необходимо выделить звуки речи человека: плач ребенка, колыбельную песню, спокойную речь или причитания, смех, молитву и т. п. Свообразие представляли и шумы от орудий труда: удары топора, скрип пилы, стук ткацкого станка и других механизмов. Свой собственный неповторимый «голос» имели музыкальные инструменты [20, с. 736–743]. Непрерывное звуковое окружение было естественной нормой жизни человека. Его можно было, по выражению Н.И. Ворониной, соотносить с «предмузыкой». Дело в том, что звуки вне зависимости от их происхождения обладают важнейшими параметрами – «высотой, громкостью, длительностью, тембром...»; они «бестелесны, мимолетны, трудно фиксируются; представляют собой факт энергии; не имеют массы, цвета, физической протяженности; принадлежат времени, хотя не могут существовать вне пространства; всегда эстетически наполнены» [8, с. 251].

Наиболее мощный природный звуковой эффект получал обоготворение у многих народов. У мордвы считался своим Бог-покровитель грома с номинацией «Пурьгинепаз»: к нему обращались с молитвой, совершали в его честь жертвоприношения. Считалось, что до женитьбы он жил на земле, а затем взял в жены мордовскую девушку [12, с. 69–70]. Во время языческих обрядов собравшиеся имитировали грозные силы природы при помощи повторяющегося ритма движений, звона украшений и дополнительно используемых предметов. «В прежние времена было обычное во время питья мирского пива барабанить в звонкие металлические вещи, как-то: в печные заслонки, медные тазы и т. п. и под звуки оных брызгать вверх пивом, что в понятии мордвов означало дождь, гром и молнию» [26, с. 26].

На территории Среднего Поволжья металлические украшения впервые появились в эпоху бронзы. Это было время расселения абашевской культуры, созданной скотоводческими индоевропейскими племенами, которые здесь «овладели источниками медных руд, занялись обработкой металла» [14, с. 96]. В I тыс. до н. э. у городецкого населения бытовали различные украшения, соответствовавшие локальным вариантам археологической культуры. В средне-окской группе памят-

ников популярными были два типа височных украшений: «лопастные височные подвески... местной работы... вырезались из листа меди, чаще всего с четырьмя, иногда пятью лопастями», а наиболее широко встречающиеся подвески состояли «из кружка, к которому прикреплены три других со вставленными полусферами» [28, с. 20].

Шумящие украшения ниже-окской группы памятников изготавливались в форме полуцилиндров. В северо-восточной группе памятников встречались «восьмеркообразные, эллипсоидные и очковидные височные привески, бронзовые пронизки, бронзовые бусы»; причем в характерных для этих мест формах вещей прослеживается связь «городецкой культуры с местными культурами абашевской и позднебалановской» [там же, с. 23]. Для центральной группы городецкого населения типичными были височные привески в виде стержня с грузиком и спиралью, встречались также сапожковые привески и в виде уточки. Кроме того, на городищах найдены были подвески в виде гусиных лапок, птичек.

Шумящие подвески, носимые на одежде, имели для населения значительную ценность, что подтверждается находками кладов, состоящих в основном из предметов, относимых к женским украшениям: бронзовые ажурные бляшки, ряды бронзовых проволочных спиралей, ажурных подвесок на стержне, подвески в виде утиных лапок, браслеты, бусы. В костюме многих народов Европы I тыс. н. э. присутствовала звуковая символика. Известно, что сарматы обшивали одежду бубенчиками, колокольчиками; племена дьяковской культуры – бляхами из бронзы, способными издавать звук; обилие шумящих привесок было характерно для женского костюма Поволжья и Прибалтики [13, с. 20, 28, 255].

Взаимодействие с окружающими народами не могло не сказаться на материальной и духовной культуре мордвы мокши и эрзи. Избирательно воспринимая опыт древних цивилизаций, мордовский народ создал уникальный комплекс традиционного мордовского костюма, который отражал труд и творческий потенциал женщины-мордовки. Художественная обработка изделий из меди и ее сплавов, реже из золота и его сплавов, дошедшая до нашего времени в археологических памятни-

ках I–XV веков, «свидетельствует о высоком уровне ювелирного искусства» мордовских мастеров, использовавших техники литья по восковой модели,ковки, шлифования, чеканки, волочения, штамповки, инкрустации золотом, «ложной зерни» и др. [25, с. 10].

Мордовский костюм XIX века включал обилие шумящих подвесок головного убора. Так, «кичка мордовская» в описанной Т.А. Крюковой коллекции П.С. Палласа по краю украшена «пронизками граненой и круглой формы из прозрачного цветного стекла, медными цепочками, штампованными бляшками и металлическими круглыми пуговицами... к нижнему краю пришиты снизки из стеклянных бус, шелковых кисточек и раковин каури. Кроме того, следует отметить парные снизки (из бус, пуговиц, медных цепочек и металлических блях), локализованные в височной части головного убора и около ушей» [17, с. 152].

Нагрудные украшения способствовали обогащению акустического пространства традиционной культуры: «грудь покрывается сеткою, состоящей из множества серебряных переплетенных между собой кружочков. На шею вешают множество красных ожерельев с медными бубенчиками, гремящими при каждом движении тела» [23, с. 400]. В качестве материалов, издающих звучание, использовались не только дешевые материалы (металлические пуговицы, бубенчики, стекларус, медные монеты, жетоны и даже елочные бусы), но серебряные и золотые монеты: «в мокшанском уборе наипаче отличаются по обеим сторонам к кичке пришитые и до грудей висящие ремни, по их “пилкс” называемые, которые унизаны старинными серебряными копейками, а на конце поперек груди связанных повешены малые цепочки и гремушки» [24, с. 109]. Поясные украшения включали колокольчики разных размеров «корейнят», «пайгонят», «коряй пайге» (ожерелье из колокольчиков), «корявна», «горашт» (мокша), «баягинеть», «горниповт» (звенящие пуговицы) (эрзя).

В традиционном мордовском обществе женщина надевала звучащие украшения не каждый день, а лишь в особые праздники, когда в одежде необходимо было «сгущение» образности, символичности. В отдельных ритуалах доминировала звуковая символика. Так,

например, костюм невесты, будучи фокусом нескольких знаковых систем, органично взаимодействующих друг с другом, вызывал у односельчан множество эмоциональных, звуковых, зрительных и смысловых ощущений и ассоциаций. Различные по своему характеру знаки объединялись единой целеустановкой – необходимостью создания эстетически и нравственно идеализированного женского образа. Воздействие визуальных знаковых средств (формы, объема, композиции, цвета, орнамента) в наряде невесты усиливалось мелодичным звоном ее украшений. Обилие шумящих украшений на невесте можно назвать одним из дополнительных «явных признаков жизни» [2, с. 207].

Пиком эмоционального восприятия окружающими новобрачной были ситуации ритуальных причитаний. Подобно тому, как голос непроизвольно сопровождал появление на свет младенца, подавая сигнал: «Я пришел, я живой, заботьтесь обо мне!», так и рождение нового образа женщины во время свадебных обрядов требовало его «озвучивания» всеми возможными средствами: звоном колокольчиков, бренчащих подвесок. Кратковременные звуковые знаки костюма доставляли эстетическое наслаждение, эксплицируя мощное чувственное содержание. Они по-своему отражали мир, пробуждая очень глубокие переживания, способные впоследствии вызвать определенные действия зрителя [15, с. 23]. Девушка умелыми движениями тела добивалась ожидаемого звучания бубенчиков, бисера, медных гребешков, шерстяных кистей, фарфоровых и медных пуговиц. Во время свадебных плясок звучание колокольчиков создавало «полифонию из двух противостоящих друг другу ритмов пляски, каждый из которых имел свой особый строй и тембровый оттенок, определяемый резкой силой звука украшений свахи и мягкой силой звука украшений женщин, приплясывающих в кругу» [20, с. 737]. Н.И. Бояркин выделяет в мордовском костюме два тембро-динамико-регистровых фона: «а) фон металлических идиофонов, издающих звуки яркого чистого тембра, нередко фиксированной высоты, с богатой гаммой частичных тонов (обертонных); б) фон идиофонов, изготовленных из материалов, издающих мягкие, глухие, тусклые, быстро угасающие зву-

ки без ярких тембров и определенной высоты» [4, с. 40].

М.А. Некрасова обращает внимание на связь эмоционального единства народной культуры мордвы с национальным костюмом, расценивая это как наиболее яркое проявление художественного творчества. Согласно автору, мордовский костюм «насыщен цветом, включает много разных украшений из металла, бисера, бус, представляет художественный ансамбль, красочный, звенящий, единый по своему эмоциональному выражению с мордовским песенным фольклором. Народное предметное творчество неотделимо от устного и музыкального фольклора – это один целостный мир народной поэзии» [22, с. 5]. Среди мордвы распространена поговорка: «Одни бусы – не украшение, один голос – песня не состоится». Народной мудростью, истоки которой восходят к глубокой древности, зафиксировано коллективное представление о картине мира, где природа и человек, труд и праздник, визуальный образ и полифония окружающего пространства неразделимы.

Обращает на себя внимание и магическая функция звука в этнокультуре мордвы: «Магия звука ощущалась в его “нематериальности”, в том, что слышимое не было в то же время видимым. Часто звук исчезал “в никуда”, не выдавая своих источников» [8, с. 251]. Этим объясняется широкое использование звука в ритуалах гаданья: «В святочные вечера... ходят слушать... Если кому послышится скрип снега под полозьями, будет в следующем году обильный урожай, если ничего не слышно – будет недород. Иногда слышатся стоны и вопли, из чего заключают, что год будет тяжелым для народа» [27, с. 60].

Звучание костюма создавало уникальный, узнаваемый всеми образ женщины: «по одному только звону колокольчиков и погремушек можно идущую молодую бабу или девушку, не видя, отличить от старухи» [19, с. 821]. Девушка обилием звуков утверждала свое единение с миром природы. Любопытно, что внутреннее содержание звуковой лексики мордовских языков оказывается ассоциативно связанным с теми или иными явлениями окружающей действительности – пением птиц, шумом ручья и т. п.

Звуковые знаки мордовского костюма – это свободное проявление жизнеутверждающего естества молодой женщины, смело привлекающей к себе внимание в период наступления детородного возраста, в пору ее расцвета. Звук словно бесхитростный первый признак жизни младенца: с одной стороны, он – символ жизни, с другой – гарантия ее благополучного продолжения. Функция активизации была наиболее значимой в среде мокшанского населения, где в костюмном комплексе отсутствовало резкое противопоставление по признаку «мужское – женское». Изобразительно-богатая и эмоционально-звонкая выразительность праздничного образа создавали здесь новизну и экспрессию повседневности, гармонировали с «самоуверенной силой и энергией» жестов, «тяжелыми, размашистыми» движениями, «громкой речью с несколько хриплыми нотами» [29, с. 115], с поведением в целом мокшанской женщины. По мнению А.Г. Бурнаева, «шумяще-звонкие украшения женского костюма... выступали своеобразным дополняющим элементом, а иногда и направляющим пластику мордовской хореографии в определенное русло оригинальных телодвижений эротического характера». Во время танца девушки использовали дополнительные звуковые источники: «заводящая (первая девушка) хоровода держала в приподнятой руке связку колокольчиков, их звук дополнял чарующее пение» [7, с. 14, 21].

Взаимосвязь свободы проявления внешнего и психологического компонентов, предметного мира и эстетического стереотипа идеализированного образа мокшанской женщины находила отражение в особенностях мокшанской религиозно-обрядовой культуры: «женские персонификации сил природы... доминировали дольше, что сопровождалось устойчивостью матриархальных черт в системе организации отношений» [6, с. 13]. Анализ звукового кода сложной семиотической системы традиционного мордовского костюма позволяет раскрыть богатство ценностно-смыслового содержания звука в культуре этноса, определяемое высказыванием Г.Д. Гачева: «Природа и Культура находятся в диалоге: и в тождестве, и в дополнительности; Общество и История призваны восполнить то, чего не даровано стране от природы» [10, с. 9–10].

Полифункциональность звуковой информации традиционного мордовского костюма харак-

теризует личность человека, внимательно вслушивающегося в многоголосие окружающего мира. Может быть, отталкиваясь от этого, можно понять причину того, почему в Среднем Поволжье издавна существуют доброжелательные, спокойные отношения между разными народами, высокий уровень толерантности, терпимости к чужому мнению. Полифония, присущая культуре мордовского этноса, утверждает ценностное восприятие звуков природы, уважение к голосу каждого человека, характеризует механизмы психологии этноса, возникшего и тысячелетия проживавшего на стыке оседло-земледельческих, кочевых скотоводческих хозяйственно-культурных типов. В звонящем голосе женского традиционного костюма сохранились истоки гармонии мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 256 с.
2. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 239 с.
3. Белицер, В. Н. Народная одежда мордвы / В. Н. Белицер. – М. : Наука, 1973. – 215 с.
4. Бояркин, Н. И. Древние звуковые комплексы восточных финнов (по археологическим материалам) / Н. И. Бояркин // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2008. – С. 23–69.
5. Бромлей, Ю. В. Этнография и взаимопонимание народов / Ю. В. Бромлей // Сов. этнография. – 1986. – № 1. – С. 3–12.
6. Булычева, О. Ю. Положение мордовской женщины в семье и обществе в конце XIX – 30-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. Ю. Булычева. – Саранск, 2008. – 23 с.
7. Бурнаев, А. Г. Мордовский танец (история, методика, практика) / А. Г. Бурнаев. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2002. – 232 с.
8. Воронина, Н. И. Личность и время: метафизика музыки / Н. И. Воронина. – Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2010. – 260 с.
9. Гаген-Торн, Н. И. Женская одежда народов Поволжья : (Материалы к этногенезу) / Н. И. Гаген-Торн. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 228 с.
10. Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М. : Академ. проект, 2007. – 511 с.
11. Глазунов, И. Народный костюм – это божественный замысел о женщине / И. Глазунов // Эт-

носфера : ежемес. информ.-аналит. и просвет. журн. – 2009. – № 5 (128). – С. 28–34.

12. Девяткина, Т. П. Мифология мордвы / Т. П. Девяткина. – Саранск, 1998. – 334 с.

13. Древняя одежда народов Восточной Европы : (Материалы к историко-этнографическому атласу) / отв. ред. М. Г. Рабинович. – М. : Наука, 1986. – 272 с.

14. Ефименко, П. П. Абашевская культура в Поволжье / П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков // Материалы и исследования по археологии СССР. Абашевская культура в Среднем Поволжье. № 97. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 43–110.

15. Козлова, Т. В. Костюм как знаковая система / Т. В. Козлова. – М. : [Б. и.], 1980. – 67 с.

16. Корнишина, Г. А. Знаковые функции народной одежды мордвы / Г. А. Корнишина. – Саранск : [Б. и.], 2002. – 70 с.

17. Крюкова, Т. А. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья / Т. А. Крюкова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1949. – Т. 12. – С. 139–159.

18. Культурология / под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. – М. : Высш. образование, 2008. – 566 с.

19. Милькович, И. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия: Из записок уездного землемера Мильковича, доставленного в 1783 году Масленникову / И. Милькович // Тамбовские епарх. ведомости. – 1905. – № 1. – С. 815–861.

20. Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 2004. – 992 с.

21. Мордовия. Народное искусство : альбом / сост. Ю. Ф. Юшкин. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1985. – 143 с.

22. Некрасова, М. А. Мордовское народное искусство. Его художественное и культурное значение / М. А. Некрасова // Мордовия. Народное искусство / сост. Ю. Ф. Юшкин. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1985. – С. 5–6.

23. Новочадов, В. Мордва / В. Новочадов // Тамбов. епарх. ведомости. – 1978. – № 14. – С. 397–406.

24. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – СПб., 1770. – Ч. 2, кн. 2. – 571 с.

25. Петербургский, И. М. Второй Журавкинский могильник / И. М. Петербургский, В. И. Вихляев, С. В. Святкин. – Саранск : [Б. и.], 2010. – 132 с.

26. Русанов, И. Мордовский молян: Руководство для сельских пастырей / И. Русанов // Пенз. епарх. ведомости. – 1868. – № 1. – С. 20–26.

27. Самородов, К. Т. Мордовская обрядовая поэзия / К. Т. Самородов. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1980. – 168 с.

28. Смирнов, А. П. Городецкая культура. Археология СССР. Свод археологических источников. / А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова ; под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1965. – 40 с.

29. Смирнов, И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк / И. Н. Смирнов. – Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2002. – 296 с.

30. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Тр. по языкознанию : (Рус. пер.) / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.

SOUND IN MORDVINIANS NATIONAL CLOTHES

T.A. Shigurova

The author presents the research work on the mid-XIX early XX century Mordvinian traditional costume sounding ornaments and views them as an essential component of ethnic culture. Axiological and functional content of the clothes sounds are treated in the context of the Mordvinian people material and spiritual culture.

Key words: *ethnic culture, Mordvinians, traditional costume, decoration, information, sound sign, function.*